

УДК 008(363)

**ВЛИЯНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ГНОСИСА НА ДРЕВНЕГЕРМАНСКУЮ МИФОЛОГИЮ
(ПУТИ РЕЦЕПЦИИ)****Е.К. СЕЛЬЧЁНОК***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Рассматривается процесс христианизации германских племен, в ходе которого гностические идеи повлияли на древнегерманскую мифологию. Автор обнаруживает следы знакомства с христианско-эллинистическим гнозисом, произошедшего в III–VI вв., в том пласте древнегерманской мифологии, который представлен в эпосе «Старшая Эдда», в частности, в сюжете о жертвоприношении Одина и пробуждении Сигдривы, и анализирует, как характер взаимодействия между поздним древнегерманским язычеством и ранним, еще только формирующимся христианством предопределил активное заимствование и органичное усвоение гностических идей национальными культурами германских народов.

Ключевые слова: *гностицизм, христианизация, готы, древнегерманское язычество, арианство, скандинавский эпос.*

Введение. Гностицизм – культурный (религиозно-философский) феномен, оформившийся в результате эллинистического культурного синтеза. Влияние, которое гностическая мировоззренческая система оказала на последующее развитие христианства и европейских культур, еще не изучено до конца. На наш взгляд, несмотря на то, что исторический гностицизм прекратил свое существование не ранее III в. н.э., сами по себе гностическая проблематика и гностические топосы продолжили свое существование в европейской культуре. Ярче всего это влияние прослеживается в германской культуре, в которой в ходе ее развития гностические топосы стали четко выраженной константой.

Проникновение гностических идей в древнегерманскую культуру непосредственно связано с процессом христианизации германских племен. Процесс этот шел практически параллельно оформлению христианской догматики, пришедшему на период Великих Соборов (IV–VII вв.). Центром религиозной жизни Римской империи тогда считался не латинский Запад, а эллинизированный Ближний Восток, где были сосредоточены крупнейшие христианские общины и богословские школы (Сирия, Египет, Малая Азия). За редким исключением гностические идеи локализовались здесь же. Германские племена, которые были христианизированы первыми в Западной Европе, соприкасались с христианством в его изначальном, не очищенном от ересей виде. Усвоение христианской мифологии означало параллельное освоение целого комплекса идей и доктрин (включая гностические), позднее, на Вселенских Соборах, осужденных как еретические и в дальнейшем существовавших вне Церкви.

Пионером этого процесса оказались готы и союзные им восточногерманские племена, граничившие с восточной частью империи. Обычно исследователи делают упор на произошедшую в 340–350 гг. христианизацию готов, связанную с именем Вульфилы. Однако знакомство германцев с христианством началась раньше: с 238 г. готы имели статус федератов и участвовали в качестве вспомогательных подразделений римской армии в ее персидских походах, а на 250–270 гг. приходится череда разрушительных сухопутных и морских готских набегов не только на Балканы, но и на крупные полисы Малой Азии [3, с. 82], где имелись крупные христианские общины: Византий, Смирна, Эфес, Никомедия, Халкедон, Трапезунд и др. Неслучайно одно из первых свидетельств об этих событиях, как подчеркивает Х. Вольфрам, содержится в каноническом послании умершего около 270 г. Григория Тавматурга, епископа Неокесарии (см.: [4, с. 78]). Первые христианские миссионеры в готской среде (включая родителей Вульфилы) были пленными, угнанными из Малой Азии.

Основная часть. Поощряемая императором Валентом проповедь Вульфилы среди вестготов пришлось на период, когда внутри Христианской Церкви доминировало арианство. «Везеготы благодаря императору Валенту сделались арианами, а не христианами. В дальнейшем они, движимые доброжелательством, просвещали как остроготов, так и гепидов, своих родичей, уча их преклоняться перед этим лжеучением; таким образом, они склонили все племена своего языка к признанию этой секты», – свидетельствует Иордан [7, с. 86]. На деле до 381 г., когда на I Константинопольском соборе арианство подверглось повторному осуждению и верх взяли омиусиане, и Вульфила, и его паства находились в рамках ортодоксии. Волей случая оказавшись после 381 г. еретиками, готы воспринимали отличие своего вероисповедания от ортодоксии довольно индифферентно: по свидетельству Феодорита Кирского, они «до сих пор говорят, что Отец больше Сына, впрочем, не соглашаются называть Сына тварью, хотя и находятся в общении с теми, которые называют Его так. Вообще, они не во всем оставили учение предков, ибо и Ульфила... говорил, что в догматах нет различия, но что разделение произведено пустой распрей»

[14]. Параллельно арианству распространение среди готов получило близкое ему авдианство, судя по всему, вынесенное из походов в Сирию и Месопотамию.

Вульфила создал литературный готский язык и письменность. Он перевел на готский Библию, сделав доступным для своей паствы богослужение на национальном языке (отсюда позднейшие сравнения с Лютером). При оформлении готского языка Вульфила, по мнению исследователей, опирался на греческий. Лексический анализ языка Библии Вульфилы заставляет исследователей предполагать, что к IV в. «даже в низших слоях готского населения господствовало двуязычие» [11, с. 107]. Благодаря перечисленным факторам (ранняя христианизация, поневоле принявшая неортодоксальный характер; непосредственные контакты с грекоязычными и ближневосточными провинциями империи; весьма условный языковой барьер), судя по всему, готами были усвоены некоторые идеи гностицизма, восточный вариант которого в III в. был широко распространен в этом регионе.

В разгар Великого переселения народов (IV–VI вв.) сперва вестготы, затем остготы проделали беспримерный путь с востока на запад Европы, от Меотиды и Дуная до Атлантики, первыми приняли христианство, создали литературный язык, до IX в. выполнявший для германских племен роль языка межнационального общения, основали первые варварские королевства на территории Западной Римской империи. Пик готского влияния приходится на эпоху Теодориха Великого (начало VI в.) – по словам Л. Мюсье, политического и «морального лидера германцев Запада» [9, с. 177]. Готское влияние не только предопределило принятие большинством христианизируемых германских племен арианства, но и оставило своеобразный отпечаток на древнегерманской языческой традиции.

Арианство стало государственной религией в Вестготском и Свевском королевствах в Южной Галлии и Испании, в Бургундском королевстве в Юго-Восточной Галлии, в Остготском и позднее Лангобардском королевствах в Италии, в Вандало-Аланском королевстве в Северной Африке; оно было распространено у алеманнов, ругов, герулов и гепидов. Характерно, например, что в 426 г. вандалы и свевы приняли христианство в его никейской форме и лишь затем, под влиянием готов, обратились в арианство. Христианизации германских племен способствовало то, что их «язычество было апатичным, семейным и хтоническим, ни в коем случае не агрессивным. Только франки и свевы оставались верны своей религии на протяжении первого поколения, и ни один народ не продержался дольше этого срока» [9]. Германцы оставались арианами довольно долго: бургунды – до 516 г., свевы – до 555 г., вестготы – до 589 г., а лангобарды и во все до 680 г. Окончательная победа ортодоксального христианства была достигнута только в 671 г.

Что интересно для нас в арианстве с точки зрения мировоззрения древних германцев и будущности национальных культур средневековой Европы? Арианство было глубже связано с античным мировоззрением, чем никейское вероучение, и по своей доктрине напоминало больше философскую систему, чем мистическую религиозную веру» [8]. Оно способствовало сепарации германцев от римлян. Как правило, ариане не вступали в религиозный конфликт с ортодоксами (омиусианами), но, тем не менее, предпочитали образовывать хоть и не агрессивные, но замкнутые общины. Ариане не склонны были к миссионерской деятельности и не вели религиозную полемику, о чем свидетельствует то немногое, что найдено из литературы готов [9].

Учение Ария о трансцендентности Бога противоречило тринитарному плюрализму Оригена и александрийцев «общий стиль богословской и философской аргументации Ария (его монадология, учение о трансцендентности Бога и пр.)... отсылает к платонической традиции и александрийской школе, и в первую очередь учению Оригена» [2, с. 253]. Ориген, как основоположник христианской мистики, склонный пользоваться некоторыми воззрениями отвергнутых Церковью гностиков, находится на стыке ортодоксии и ереси, как и всякая мистика по самой своей сути. Образ Бога у Ария отрицает наличие какой-либо равновеликой ему сущности вроде Сына. Афанасий Великий писал: «Отец по сущности чужд Сыну, потому что существует безначально. Разумей, что была Монада, Диады же не было, пока не осуществилась» (цит. по: [2, с. 44]). В этом он созвучен гностическому (и античному) представлению о едином первоначале. В гностической космологии Жених (Христос) – лишь один из эонов в Божественной плероме, имеющий определенные функции (сообщение знания о пути выхода из мира), но при этом не являющийся самостоятельным божеством.

Если непосредственно соприкасавшиеся с Римской империей германские племенные союзы принимали арианство, то по другую сторону прорванного римского лимеса, среди германцев Центральной Европы и особенно Скандинавии, откуда варварские королевства во многом черпали людские ресурсы, продолжало господствовать язычество. Арианское отрицание единственности было достаточно созвучно древнегерманской мифологии, где Вотан (Один) специально рождает Вельсунгов, чтобы разрушить проклятие мира (фактически, искупить человечество). Сегодня мы с высокой долей вероятности можем выделить в дошедшей до нас древнегерманской языческой традиции следы знакомства с христианско-эллинистическим гносисом, произошедшего в III–VI вв.

Следы этой рецепции легко увидеть в том пласте древнегерманской мифологии, который дошел до нас в составе скандинавского эпоса «Старшая Эдда». «Старшая Эдда», дошедшая до нас в записи XIII в., представляет собой, как известно, последнюю стадию чрезвычайно длительного, многовекового существования эпоса, и поэтому возникает вопрос об ее многослойности, о том, что в ее песнях должны были запечатлеться следы сдвигов в мировосприятии германских народов на протяжении эпохи, начало которой следует отнести к векам, предшествующим Великим переселениям, а конец приходится на Высокое Средневековье», – отмечает А.Я. Гуревич [5].

Естественно, ни один из сюжетов и ни одно из сказаний не представляет древнегерманские мифы в чистом виде – скорее, мы имеем дело с результатом их трансформации на протяжении III–XI вв., письменного зафиксированного уже в христианское время. Поэтому очевидно, что все героические песни и сказания подверглись сознательному или невольному редактированию.

Героический эпос – всегда слепок, результат переосмысления некоей эпохи, и его персонажи почти всегда имеют определенную историческую основу. Германская мифология заимствовала в период со II по VI–VII вв. полную панораму исторической и духовной жизни германских племен сначала в соприкосновении с римской цивилизацией, затем – в симбиозе с ней. С одной стороны, героями германского эпоса стали реальные исторические фигуры эпохи Великого переселения народов (Атилла, Германарих, Теодорих, бургундские Гибихунги, готские Амалунги и пр.). С другой – многие мотивы этого эпоса являются продуктом взаимодействия интенсивно разлагавшегося язычества с религиозно-мистическим многообразием позднего, христианизированного эллинизма. При рецепции гностические идеи, арианство, христианская сотериология в ее ортодоксальных и неортодоксальных проявлениях усваивались германцами в целостном, нерасчлененном виде, поскольку сам христианский канон еще находился в стадии формирования.

Следы гностических образов и идей, впитанных через контакт с греческой культурой, в древнегерманском эпосе единичны и не системны, но именно по ним можно наблюдать, как отвергнутые ортодоксальной догматикой образы и мотивы (вплоть до прообразов фаустовского сюжета) «вплавлялись» в древнегерманскую мифологию.

На наш взгляд, не только о христианском, но и о гностическом влиянии на германскую мифологию позволяет говорить сюжет о жертвоприношении Одина. У сюжета имеются собственно древнегерманские корни (обычай приносить пленных, перебежчиков и неодушевленные трофеи в жертву путем повешения на дереве). Однако жертва Одина, повесившего самого себя на мировом древе Иггдрассиль и пригвоздившего самого себя к нему собственным копьём, добровольна, имеет целью получение тайного знания, гносиса (священные руны) и последующее спасение мира посредством передачи ему этого знания. Через девять дней распявший себя самого бог сошел с древа.

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьём,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена их поднял –
и с древа рухнул.

...

Стал созревать я
и знанья множить,
расти, процветая;
слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало.

(Перевод А.И. Корсуна) [1, с. 202].

Жертвоприношение Одина периодически повторяется в других сюжетах германской мифологии. Так в «Деяниях данов» (I, V–VIII) Саксон Грамматик рассказывает об аналогичной жертве великана Старкада, легендарного датского героя Хаддинга, находящегося под покровительством Одина. Во втором случае, на наш взгляд, продуктивно сопоставление с христианской традицией, согласно которой апостолы (Петр, Андрей и др.) умирали той же смертью, что и Христос.

Согласно мифу, Один и повесил себя сам, и сошел с дерева тоже сам, получив руны – тайное знание. В этом поступке очевидны черты культурного героя – как Прометей оказывается прикованным к скале, мучимым, но не умирающим, за то, что дал людям огонь, так и Один ради рун пригвождает себя к дереву за дар иного рода.

Даже беглый взгляд на изображение распятого Одина у человека христианской культуры вызывает вполне конкретную ассоциацию – распятый Христос, пронзенный копьем Лонгина. Крест – то же мировое древо, что и Иггдрассиль. Христос добровольно идет на эту жертву, ради нее приходит в мир, т.е. распинает себя сам, как и Один. В отличие от Одина, Христос не сошел с креста, как от Него ожидали, но воскрес на третий день. Один сходит с дерева (по сути, воскресает) через девять (трижды три) дня. Цель жертвы Христа – Искупление первородного греха и дарование человечеству свободы от духовной смерти. Цель самораспятия Одина – получение священных магических рун – тайного знания, которое может помочь в борьбе с мировым злом.

В описаниях германского обычая жертвоприношения через повешение (самое раннее – в «Германии» Тацита) отсутствует упоминание копья, появляющегося в позднейших источниках по мифологии. Зато исследователями описан бытовавший у германцев готского ареала обряд воинской инициации, когда, как сообщает А. В. Федосов, «юноша подвергался ритуальному убийству через повешение, либо ему наносили легкий порез копьем, после чего он становился воином, и ему вручали щит и фремею. Затем, если он погибал в сражении или умирал, то он все равно оставался в войске в качестве невидимого воина, т.е. умирало только его тело, а дух по-прежнему оставался среди товарищей» [13, с. 108]. Поэтому мы вправе предположить, что сюжет с жертвоприношением Одина в дошедшем до нас виде (бог повешен и пронзен копьем, имеющим магические свойства) как минимум является результатом слияния и переосмысления элементов языческой обрядности в ходе знакомства готов с христианством в III в. Тем более, в «Круте Земном» [12] неожиданно выясняется, что Один – правитель государства, расположенного в Северном Причерноморье, в устье Танаиса (совр. Дон), что приблизительно соответствует остготской державе Германариха (IV в., до 370-х гг.). Оттуда он уже в качестве культурного героя (см. параллель с Прометеем выше) перемещается в землю саксов, Швецию и т.д.

Очевидно, в процессе столкновения и взаимодействия готского племенного союза с римско-эллинистическим миром еще подвижная, не до конца сложившаяся мифология готов (а через их посредство – и других германских племен) трансформировалась под влиянием христианских образов и идей. Подобно тому как Христос унаследовал некоторые качества иранского Митры, Один (Вотан, Wodanaz), бог ратного гнева, магии и странствий, преобразился под воздействием крестной жертвы Христа. С другой стороны, Один как бог мужских воинских союзов оказывается весьма созвучен митраизму, что неудивительно в контексте документально подтвержденного участия готских федератов в персидских походах римлян.

Цель Одина – получение рун, тайного знания, данного ему свыше в жертвенном откровении, в экстазе страдания и самоистязания. Напомним: «гносис» – тайное знание, даруемое в откровении исключительно избранным. Иордан называет прародителем готов и основателем династии Амалов, «первым из героев» [7, с. 76] Гапта (Gapt). Это одно из традиционных имен Одина (др.-сканд. Gautr), означающее в переводе «посвященный» [6, с. 141].

Получается, Один совершает самораспятие ради достижения гносиса. Самоповешение символизирует смерть в одной жизни и возрождение (воскресение) для иной. Для гностика откровение означало смерть для материального мира и начало пути выхода из этого обреченного мира к вечному и истинному. Физическое бытие приносится в жертву получению сакрального знания. Магистральный для немецкой культуры гетевский императив «Умри и возродись!» фактически наследует древнегерманской традиции вотанической сотериологии, которая, в отличие от христианской, облачена в воинские доспехи и привязана к языческой концепции циклического времени.

Гносис в германских культурах нередко символизируется рунами, нанесенными на копьё Одина. Таким образом, *высший закон древнегерманской мифологии, начертанный на копьё верховного божества, – это своего рода национальная версия гносиса*. Обретение гносиса как смерть для материального физического мира и рождение к новой жизни воплощено в германской мифологии наглядно в виде Одина, «бога висельников», пронзающего себя копьем с нанесенными на древко рунами.

Поступок Одина-Гапта – обряд инициации, посвящения, приобщения к сакральному дорогой ценой. Такой обряд предполагает существование группы посвященных, избранных, которым только и доступно это знание.

Еще один мотив из гностической мифологии – наказание ослушавшейся высшего начала невесты-души через ее погружение в сон с последующим пробуждением чудесным женихом, избавляющим ее из плена материального начала. В «Старшей Эдде» в «Речах Сигдривы» описывается сцена с пробуждением валькирии Сигдривы (Брюнхильд в «Саге о Вельсунгах») Сигурдом. Зигфрид (Сигурд) – сказочно-легендарный герой. По мере развития образа Сигурд становится сыном Сигмунда и тоже Вельсунгом, т.е. потомком Одина. Валькирия была усыплена своим отцом в наказание за то, что даровала победу в битве не тому, кому ее предназначил Один.

Образ спящей Брюнхильд перекликается с образом гностической Софии. Возгордившаяся София внесла хаос в плерому, разрушила строй, устремившись к Отцу (Единому), попыталась взять на себя отцовские функции, за что и была наказана – возвращена обратно в своему парному зону (Жениху). Она должна была исторгнуть из себя свою аффективную часть (Ахамот), в результате чего и образуется неистинный материальный мир, обреченный на уничтожение. Брунгильда (Брюнхильд) также наказана Одном за непослушание ему – за это ее усыпили на утесе, окруженном пламенем.

В гностицизме особое место занимает мотив сна. Жизнь в материальном, неистинном мире – это сон, неведение, получение откровения об истинном устройстве мира – пробуждение ото сна. В гностическом «Гимне жемчужине» («Деяние Иуды Фомы») говорится о павшей в мир жемчужине – душе мира, Софии, забывшей об истинном Отце своем, поруганной, не помнящей своего истока [10, с. 170]. Но за жемчужиной спускается жених и вызволяет ее из плена, пробуждает в ней воспоминания об Отце и о ее проступке. Отголоски этого сюжета можно видеть и в истории пробуждения Брунгильды Зигфридом. Как жених спускается в Египет, так Зигфрид проходит через огонь, чтобы разбудить заключенную в панцирь деву. Пробудив деву, Сигурд обручается с нею.

В «Речах Сигдривы», разбудив деву, Сигурд (Зигфрид) просит ее научить его мудрости, в качестве которой выступают все те же руны тайного знания. Посвящая спасителя в тайны рун, возлюбленная дарует ему гносис. Речи Сигдривы в этом месте «Речи Высокого» (Одина) прямо перекликаются с Притчами Соломона (образ Божественной Премудрости).

Свою символику имеют и сами доспехи (Брунгильда – «закованная в броню воительница»), под которыми Сигурд сначала не узнает в воине женщину. Образ тела как темницы, в которую заключена душа, как скорлупы, внутри которой у избранных таится искра Истинного света, характерен для гностического мировоззрения и позднее всплывет в XVI в. в Каббале клиппот. Последняя повествует об искрах добра, заключенных в оболочку зла этого мира – клиппот («скорлупы»), из которых надо освободить искру и вернуть искры к единому источнику. Доспехи Брунгильды, если рассматривать ее как образ софийного типа, тоже можно интерпретировать как скорлупу.

Важным в гностической системе является и мотив забвения. Зигфрид, опоенный колдовским напитком, забывает Брунгильду. Узнавший душу мира, истину, оказывается опоенным, усыпленным колдовским напитком – обманом неистинного мира и забывает о ней – о своей «жемчужине»: «И я забыл ее, жемчужину... и под бременем притеснений их уснул сном глубоким» (цит. по [10, с. 171]). Тот же мотив будет позднее повторяться в хасидских сказках, основанных на Лурианской Каббале. Так, хотя Сигурд и обменялся с Брюнхильд клятвами верности, он забывает о ней после того как Гримхильд дала испить ему напиток забвения. В результате он женится на другой. По вине забывшего его Сигурда в «Старшей Эдде» Брунгильда выходит замуж за Гуннара – падает в материальный мир страстей.

Заключение. Подобно тому как христианизация части германских племен, по-видимому, преобразила многие сюжеты древнегерманской языческой мифологии, последняя позволяет по-иному интерпретировать причины популярности у германцев неортодоксальных версий христианства. Арианский Бог-Сын, сотворенный Богом-Отцом и неединосущный последнему, отражает дистанцию между инициацией рядового воина и жертвой Одина-Гапта – Всеотца (др.-сканд. Alfödr), свиту которого в случае героической смерти этот воин пополнит в качестве избранного (эйнхерия). Характер взаимодействия между поздним древнегерманским язычеством и ранним, еще только формирующимся христианством предопределил активное заимствование и органичное усвоение гностических идей национальными культурами германских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М. : Художеств. лит., 1975. – 751 с.
2. Бирюков, Д.С. Философские основания неоарианства : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Д. С. Бирюков. – СПб., 2007. – 253 с.
3. Буданова, В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов / В.П. Буданова. – М. : Наука, 1990. – 232 с.
4. Вольфрам, Х. Готы. От истоков до середины VI в. (опыт исторической этнографии) / Х. Вольфрам. – СПб. : Ювента, 2003. – 656 с.

5. Гуревич, А.Я. О природе героического в поэзии германских народов [Электронный ресурс] / А.Я. Гуревич. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1978/02/782-133.htm>. – Дата доступа: 04.05.2016.
6. Дюмезиль, Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – М. : Наука, 1986. – 234 с.
7. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Иордан. – СПб. : Алетей, 2000. – 512 с.
8. Корсунский, А.Р. Религиозный протест в эпоху раннего средневековья в Западной Европе / А.Р. Корсунский // Средние века. – Вып. 44. – М., 1981.
9. Люсьен, М. Варварские нашествия на Европу: германский натиск / М. Люсьен. – СПб. : Евразия, 2008. – 399 с.
10. Мещерская, Е.Н. Деяния Иуды Фомы (культурно-историческая обусловленность раннесирийской легенды) / Е.Н. Мещерская. – М. : Наука, 1990. – 243 с.
11. Скадрильи, П. Готы: язык и культура / П. Скадрильи. – СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2012. – 388 с.
12. Стурлусон, С. Круг земной [Электронный ресурс] / С. Стурлусон. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/sturluson_snorri/krug_zemnoy/read. – Дата доступа: 04.05.2016.
13. Федосов, А.В. Религиозные трансформации готы / А.В. Федосов // Вестн. Брян. гос. ун-та. – 2013. – № 2. – С. 105–114.
14. Феодорит Кирский. Церковная история [Электронный ресурс] / Феодорит Кирский. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Feodorit_Kirskij/cerkovnaya_istoriya/. – Дата доступа: 04.05.2016.

Поступила 07.08.2017

THE INFLUENCE OF ELLINISTIC GNOSIS ON THE ANCIENT-HERMAN MYTHOLOGY (WAYS OF RECEPTION)

H. SELCHENOK

The article examines the process of Christianization of the Germanic tribes in the course of which the Gnostic topos had an impact on Germanic mythology. The author finds traces of acquaintance with the Christian-Hellenistic gnosis, which occurred in the III–VI centuries, in the stratum of Germanic mythology, which is represented in the epic "the Elder Edda" – in particular, in the story of the sacrifice of Odin and the awakening Cygdrive, and analyzes how the nature of the interaction between the late Germanic paganism and early, still just emerging Christianity determined the active borrowing and organic assimilation of Gnostic ideas of national cultures of the Germanic peoples.

Keywords: Gnosticism, Christianity, the Goths, Germanic paganism, Arianism, Scandinavian epic.